

СПЕЦНАЗ
ВДВ

Сергей ЗВЕРЕВ

**ПОГРОМ
В ТЫЛУ
ВРАГА**

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Погром в тылу врага

«ЭКСМО»

2013

Зверев С. И.

Погром в тылу врага / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2013 — (Спецназ ВДВ)

В Псковской области, близ границы с Латвией, только– только отгремели плановые учения десантников. Наступил долгожданный отдых. Командир отряда спецназа ВДВ Олег Веренеев, переключая от скуки каналы латвийского телевидения, наткнулся на репортаж об открытии в городке Домбеле памятника «героически погибшим от рук советских оккупантов» бойцам местного карательного батальона «Ваффен СС». Увиденное привело капитана в бешенство. Он поднял по тревоге своих десантников, приказал им пересечь границу сопредельного государства и уничтожить нацистский мемориал. О последствиях своего поступка капитан Веренеев тогда не подумал. А зря...

© Зверев С. И., 2013

© Эксмо, 2013

Сергей Зверев

Погром в тылу врага

Все мы вокруг костра приплясываем. Весь вопрос в одном – кого и когда обожжет.

А. Иванов. «Вечный зов»

Капитан Веренеев Олег Петрович, жилистый малый тридцати трех лет от роду, лежал в командирской палатке и отрешенно смотрел в потолок. Он был мрачен и чем-то недоволен. Снаружи бурлила армейская жизнь. Механик Кулигин ковырялся с вверенным ему «Тигром». Этот бронированный монстр потреблял горючее, как какой-то ненасытный зверь. Из раскрытого капота доносились скрежет и лязг. Кто-то кричал, не скрывая радости, что вечернее построение отменяется, поскольку высокое полковое начальство убыло на встречу с более высоким – бригадным, и поэтому командиры подразделений вольны сами решать, чем занять подчиненных. В соседней палатке у командиров взводов работал старенький переносной телевизор, подключенный к генератору. Вещал случайно пойманный латвийский канал – исполнитель был уверен, что поет по-английски, при этом не имел ни слуха, ни голоса, зато обладал чудовищным прибалтийским акцентом. Ругань механика на этом фоне звучала куда музыкальнее.

Отгремели сентябрьские учения, в которых помимо десантно-штурмового полка, приписанного к 76-й Псковской дивизии, принимали участие отдельный батальон связи, инженерно-саперный и ремонтно-восстановительный батальоны того же соединения. Общая оценка мероприятия – отлично с натяжкой. Мирные латыши из приграничных с Псковской областью районов теперь могли спать спокойно, не вздрагивать от автоматных очередей, не уповать на распыление и не стряхивать с антресолей пыльные «эвакуационные» чемоданы. Возможно, в том, что отлично подготовленная десантура гремела оружием в двух километрах от страны – члена НАТО, и имелся скрытый подтекст с неясным намеком. А возможно, и не было никакого подтекста, просто совпало так. Разведывательно-диверсионная рота под командованием капитана Веренеева показала все, на что способна, учинив полный погром в тылу условного противника, оседлавшего высоту 12–44 близ населенного пункта Черешники. Начальство операцией осталось довольным. Из недостатков – небольшие огрехи по ходу: пришлось внушать отделению сержанта Марецкого, что противник, в общем-то, условный и незачем на полном серьезе разбивать носы этим несчастным из так называемого армейского спецназа. А рядовому Безденежному следует бросать гранату так, чтобы кроме себя и товарищей убить кого-нибудь еще. Но это мелочи. Капитан Веренеев сам остался доволен ребятами, не зря их отбирал, натаскивал и гонял на занятиях до полной одури. Есть чем гордиться. Есть что оставить преемнику после того, как бесславно закончится его служба государству Российскому...

За окном темнело. Помаргивала переноска, прикрепленная к потолку палатки. Палаточный городок расположился в чистом поле в полутора километрах от Черешников. Рота Веренеева – крайняя, на западе, в пятидесяти метрах от глухого кустарника, за которым стартовала осиново-березовая чаща приграничной полосы. К капитану подкрадывалась депрессия – верный спутник дремучей тоски. Как славно было вчера – думать надо было только о деле, пьянил азарт, душа гуляла. Начальство орало на него, он орал на подчиненных, вел бойцов к победе. И вот все кончилось, разом оборвалось. Неприятности, от которых он безмерно устал, выстраивались по ранжиру. Выдохся бравый капитан, кавалер правительственных наград, командир самого боеспособного в полку подразделения...

Веренеев повернулся на скрипнувшей раскладушке. Отогнулся край плащ-палатки, раздалось многозначительное покашливание, и внутрь втиснулся тридцатилетний капитан Сергей Бережной – заместитель командира роты по воспитательной работе. Он скинул фуражку, рас-

стегнул крючок на пятнистой куртке, плюхнулся на свою раскладушку и устремил на сослуживца исполненный критицизма взгляд.

– Что? – неохотно спросил Веренеев.

– Подменили тебя, вот что, – вздохнул замполит. – Хоть заново начинай эту учебную байду, чтобы вывести тебя из депрессии. Ты как, Олег?

– Болею, – буркнул капитан.

– Ну, не знаю... – скептически покачал головой Бережной. – Я так думаю, что настоящий десантник не бывает болен. Он бывает либо жив, либо нет.

– Тогда я умер. Серега, не начинай, ты же все прекрасно знаешь...

– Знаю, – согласился заместитель. – И что отец у тебя умер три недели назад, и любимая женщина ушла – вернее, улетела в ступе. И начальство в Пскове под тебя копает за серию критических замечаний, касающихся образа жизни одного штабного генерал-майора, фамилию которого мы предпочтем не называть. Кстати, если что, Олег, я на твоей стороне – я тоже считаю, что за хищения бюджетных средств и злоупотребления генеральским положением нужно не снимать, а вешать. В шахматы? – с любопытством склонил голову Бережной.

– Не хочу, – отозвался Веренеев.

– Какой капризный. Шашки, покер, поддавки? – настаивал товарищ. – К чему склоняется ваша душа, товарищ капитан?

– Ко сну она склоняется, – ворчливо отбивался Веренеев. – Прекращай, Серега, иди к черту...

– Выпьем? – выложил последний козырь замполит. И, уловив искру жизни в мутнеющих глазах боевого товарища, добавил: – Комполка со свитой свалили в Груздево – на разбор полетов и вечерние процедуры. Имеется достоверная информация, что до утра никто не нагрянет. У нас заслуженный отдых после успешно проведенной баталии. К полудню начнутся сборы и выдвижение к месту постоянного дислоцирования... – И он потянулся к «походному» кейсу, достав из него поллитрушку скромного дагестанского коньяка с не очень большим количеством звезд.

– Ну, если по капельке... – Олег со скрипом и кряхтеньем, словно разбитый параличом столетний дед, принял сидячее положение. Вздохнул пятерней русоволосый «ежик», почесался, обвел пространство мутным взором, передернул плечами, как будто устыдился своего затрапезного вида.

– И всю депрессию как рукой сняло, – подмигнул Бережной, разливая продукт по компактным «полевым» стаканам – уменьшенным копиям классических. – А чтобы окончательно от нее избавиться, инструкция такая: налить полный стакан и выпить до дна. Повторить два раза. Ну, будь.

Мастерски выпили, даже не поморщившись, хотя качество напитка оставляло желать лучшего.

– Закусывай. – Бережной с хрустом раскрыл упаковку, заполненную чем-то не особо съедобным на вид.

– Что это? – ужаснулся Олег.

– Клубника, – объяснил Бережной. И пошутил: – Со вкусом презерватива. Сержанту Малютину посылка пришла с исторической родины. Но сейчас не до посылок, сам понимаешь, время тяжелое, военное, другие у бойцов задачи. Я уже попробовал. Вкус необычный, но, пожалуй, не отравлено. Держи. – Он извлек из кейса две вилки, одну отдал Олегу, у другой отогнул зубец и принялся увлеченно выковыривать что-то из зуба – видимо, остатки ужина.

Коньяк выпили очень быстро. Впрочем, больше не надо, если не забывать, кто они такие и где находятся. В голове прояснилось, подавленность отошла на задний план и заняла выжидательную позицию.

– Да ладно тебе смурнеть, – сказал Бережной. – Ты же настоящий мужик, справишься, подумаешь, личные неурядицы. Хотя, в принципе, я тебя понимаю. – Щеки замполита порозовели, он принялся разглагольствовать: – Одно дело быть мощным самцом, принимать твердые мужские решения, защищать Родину до последней капли крови, служить образцом для подражания и вся такая фигня. И совсем другое – банальная бытовая проблема, разрешить которую всемогущий мужчина не в состоянии и чувствует себя никчемной половой тряпкой. Мы беспомощная прослойка, люди ноги о нас вытирают. Как ты думаешь, Чак Норрис в состоянии самостоятельно поменять прокладку в протекающем кране? Да он, хоть тресни, не поймет, о чем речь и почему эта смазливая бестия, что делит с ним кровать, постоянно над ним насмехается по этому поводу. Ему проще одним ударом свернуть этот кран или заплатить сантехнику. Впрочем, меня куда-то понесло. – Бережной озадаченно покорябал непокорный рыжий хохол. – Уж заменить прокладку мы с тобой сумеем. Ты точно решил уйти со службы?

– Точно, – кивнул Олег. – Закончилась служба. Как календарь маяя. Ты сам прекрасно понимаешь, что не мытьем, так катаньем меня из армии попросят. Очень я кому-то неудобен. Пройдет неделя, другая, намекнут, что контракт подходит к концу и перезаключать его обе стороны не намерены. Оно и к лучшему, вернусь на родину...

– Да перестань, – поморщился Бережной. – В глухую сибирскую провинцию?

– Ага, примкну к полутора миллионам провинциалов нашего тихого уездного городишки, – усмехнулся Олег. – Выживу, на самом деле там не так уж плохо. Матери нужна поддержка, трудно ей без отца. Неприятности с квартирой тоже решать надо.

– Что такое? – встревожился замполит.

– Национальная правовая традиция, – пожал плечами Олег. – Сначала подписываем договор, потом его читаем.

– А с Валентиной ты окончательно разлаялся? – осторожно поинтересовался Бережной.

– Не доставай, – помрачнел Олег. – Любую допечет – четыре года скитаться по съемным квартирам, где даже полку прибить нельзя. Собственное жилье – запредельная мечта. Меня практически не видит, на денежном фронте без перемен, машина празднует совершеннолетие...

– М-да, орденосец, блин... – посочувствовал Бережной, машинально хватаясь за бутылку и выцеживая в стаканы последние капли. Эффект от «лечения», похоже, проходил. Старший по должности снова погружался в меланхолию и инфантилизм. – Да ладно, Олежка, не грузись, – пытался он развеселить ротного. – Бабы – дело наживное. Оно и к лучшему, что жизнь кардинально изменится. Давай по капельке – за пофигизм. Я тоже со своей недавно повздорил: горячий кофе в постель подали, зараза, – вылила и умчалась со злорадным хохотом...

Обсудить особенности личной жизни замполита офицеры не успели. Из соседней палатки донесся гул недовольных голосов. Проскакивали и откровенно сомнительные выражения. Драки не было, просто люди бурно выражали недовольство. Телевизор продолжал работать, но уже не пел, а что-то вещал на неподражаемом латышском языке. И чем дольше он это делал, тем громче и недовольнее бубнили ротные офицеры. Раздался грохот, похоже, свалился раскладной стул. «Опомнись, Шура! – испуганно восклицал командир первого взвода лейтенант Оленич. – Ящик-то ни в чем не виноват, другого не будет...»

– Чего там такое? – насторожился замполит. – Надеюсь, не разборки на почве неприязненных взаимоотношений?

– Пошли смотреть, – вздохнул капитан Веренеев и принялся выбираться из продавленной раскладушки.

В соседней палатке было накурено и обстановка меньше всего напоминала клуб английских джентльменов. Распоясанные, полурасдетые офицеры толпились возле портативного

телеприемника, стоящего на колченогом стуле, и наперебой его костерили. Это была даже не дискуссия, а какая-то дружная хула.

– Прервитесь, товарищи офицеры, и объясните, что случилось, – сдвинув брови, сказал Олег.

– И можно не вставать по стойке «смирно», когда заходит старший по званию, – иронично добавил Бережной. – Впрочем, что-то мне подсказывает, что вы и не собирались этого делать.

– Мы возмущены, товарищ капитан. Нас оскорбили до глубины наших ранимых душ, – с чувством сказал лейтенант Григорий Оленич – смысленный и смешливый двадцатилетний командир первого взвода. И выстрелил указательным пальцем в телевизор. Но там уже не было ничего крамольного, новости с латышской стороны завершал прогноз погоды. Блондинка с неестественной улыбкой и бюстом аппетитного размера жестикулировала над картой латвийского государства. Но прелести дамы молодых и энергичных комвзводов в данную минуту не интересовали.

– Виноваты, товарищ капитан, мы сделали ряд резких заявлений, от которых ничего не изменилось и даже на душе не стало легче, – развивал тему уравновешенный и интеллигентный лейтенант из третьего взвода Максим Болдин. – В телевизоре один из региональных латвийских каналов показывает местные новости, другое тут не ловится. Под новостями бежит синхронный текст на русском языке – поэтому все понятно. Треть населения Латвии, как известно, – русские, и далеко не все разбирают латышский язык. Так вот. Диктор местного телевидения с радостным придыханием в голосе сообщил, что сегодня утром на восточной окраине города Домбеле в торжественной обстановке открыт памятник героически погибшим от рук советских оккупантов бойцам местного карательного батальона «Ваффен СС». Мэр произнес торжественную речь, депутаты сейма возложили цветы к подножию монумента, плакали старенькие ветераны, с надеждой глядя на молодую поросль с суровыми эсэсовскими лицами... Командир, это что за фигня? – Максим пристально воззрился на капитана, как будто это он был ответственен за возмутительное мероприятие.

– Твари, – фыркнул хмурый и циничный Шура Крутасов – сухой, как хворостина, командир второго взвода. – Это у них, типа, рост национального самосознания. А что вы хотите – территория рейхскомиссариата Остланд.

– Мы все понимаем, – развел руками Егор Запутный из четвертого взвода. – Но чтобы с такой наглостью – просто не верится... А что, интересно, думают по этому поводу их боссы из НАТО и Евросоюза? Там вроде бы не приветствуется...

– Глаза закрывают, – фыркнул замполтех Кудрявцев. – Делают вид, будто этого нет. Не говорите, мужики, вконец оборзели, ни стыда, ни совести. Это что же в мире творится? Товарищ капитан, с вами все в порядке? У вас такой вид, будто вас дверью прищемило.

В душе капитана Веренева происходило что-то странное. На него навалились все неприятности разом – так еще и этот плевок в душу. Капитан не мог объяснить, какая муха его укусила. В принципе, подумаешь, проблема. С прибалтами все понятно. Они и дьявола на божничку поднимут, если решат, что дьявол активно выступал против советской «оккупации». Олег любил историю родной страны, особенно смутные периоды тридцатых, сороковых годов. Там до сих пор оставалось множество тайн, и даже достоверные факты разные заинтересованные стороны трактовали по-своему. Причин не любить советскую власть у латышей хватало – хотя никто не отменял такое понятие, как «латышские стрелки», на штыках которых и удержалась большевистская власть в 17-м году (а отнюдь не на китайских штыках, как многие считают). На службу к Гитлеру латыши валили валом. 15-я гренадерская дивизия СС – так называемая «Первая латвийская». 19-я гренадерская дивизия – «Вторая латвийская». «Латышский добровольческий легион СС», 2-я латышская добровольческая бригада СС... Бесчисленные батальоны вспомогательной полиции безопасности, регулярные, добровольческие батальоны – и орудовали эти парни не только в Латвии. Совершали диверсионные и карательные

вылазки в Псковскую область, в Белоруссию, Польшу, убивали партизан, расстреливали мирное население. Советская власть для Латвии была не подарок, кто бы спорил. Лишь на первой волне репрессий до июня 41-го депортировали 17 тысяч латышей, а несколько сотен – расстреляли. Но почему же из 80 тысяч латышских евреев к моменту возвращения советских войск в 44-м выжило только полторы сотни? Кто их уничтожил? Советская власть? Как бы не так! Одна лишь «Латышская вспомогательная полиция безопасности», или, как ее еще называли, «команда Арайса», уничтожила почти 50 тысяч евреев. И эти аморальные ублюдки теперь считаются героями? А кто тогда родной дед Олега, командовавший саперным взводом и погибший при разминировании детского приюта в оставленной фашистами Елгаве? Имеются достоверные свидетельства, как советские солдаты выводили из подвала перепуганных детей. А в это время их командир удерживал взрыватель мины, зарытой эсэсовцами перед подвалом...

У капитана горели щеки, в душе творилось черт знает что. Но он должен успокоиться и взять себя в руки, мир жесток и несправедлив, это все знают. А человеческая память коротка, как летняя ночь. Веренеев соловейшим, исполненным бешенства взглядом таращился в телевизор. И блондинка, исполняющая что-то на своем языке, словно почувствовала этот тяжелый взгляд: заторопилась, убрала дежурную улыбку и пропала. Включили рекламу про всепобеждающее моющее средство.

– Эй, эй, командир, – забеспокоился Гриша Оленич. – Чего уставился на этот ящик, как на невыплаченный ипотечный кредит? Не бей телевизор. Пианист не виноват.

Олег вышел из оцепенения, злобно покрутил головой, принюхался. Офицеры смущенно заерзали, стали ненароком отодвигаться.

– Что пьете? – процедил Веренеев.

– Ничего, товарищ капитан, – быстро ответил Оленич. – Показалось. Это ваш запах к вам же и возвращается.

Григорий дерзил, а остальные судорожно прятали улыбки.

– И мне налейте этого ничего, – проворчал капитан. – Да живо, пока я добренький.

Кучка взводных и примкнувший к ним зампотех пришли в движение, из ниоткуда возникла бутылка водки, зазвенели стаканы.

– И замполиту плесните, – проворчал Бережной. – А то заложу всю вашу компанию и получу благодарность за своевременный сигнал.

Водка у товарищей офицеров была отвратительной. И какие они товарищи после этого? Замполит судорожно занюхивал брезентовую занавеской, комроты кашлял и ругался.

– Мать вашу, вы что, ее на тараканах настаиваете?!

– Виноваты, товарищ капитан, – ухмыльнулся Крутасов. – Зарплата не позволяет покупать «Хеннеси» и «Бакарди». Нормальная водка, что вы, как маленький...

Выпили, потом еще по одной. Злость у капитана не проходила.

– Кстати, из мира любопытного, – сказал всезнающий Максим Болдин. – Городок Домбеле имеет тридцать тысяч населения, стоит на правом берегу не помню какой речушки, расположен в двадцати километрах от границы – примерно на той же широте, где мы сейчас находимся. От деревушки Видне, что сразу за кордоном, туда ведет нормальная, местами асфальтированная дорога. А вокруг дороги – глухие леса, перемежаемые болотами. Здесь не самая густонаселенная часть Латвии.

– Ты это к чему? – насторожился Запутный.

– Блеснуть решил, – пожал плечами Болдин. – И еще из мира любопытного. Латвия занимает четвертое место в Евросоюзе по территории, покрытой лесами. Экологическая обстановка – благоприятная, проводится регулярный экологический мониторинг. Вот только, зараза, болот тут много...

– Мы куда-то собрались, товарищ лейтенант? – икнул порядком осоловевший Бережной.

– Боже упаси, товарищ капитан, – испугался Максим. – Как вам в голову такое пришло? Просто, если задуматься, чисто гипотетически... Два кмэ на нашей стороне, двадцать – на той, места глухие, любую деревушку за версту видать... В общем, два часа хорошей маршевой рыси – фигня для продвинутого десантника...

– А начальство до утра не придет, – как бы между прочим заметил Крутасов. – Ладно, чего уж там. – Он досадливо махнул рукой. – Помечтали, и будет. Еще по одной, товарищ капитан? Ну, чисто чтобы протрезветь и на боковую?

Но трезвость и благоразумие после третьей не возобладали.

– Командир, ты прямо революционный матрос, – опасливо подметил Оленич. – Посмотрите на него. Ты же не собираешься отправить на ту сторону представительную делегацию?

– Я не пойду, – испугался Запутный. – Это преступление. А мне еще карьеру делать. Я собрался расти до генерала Воздушно-десантных войск.

– А кто узнает? – хищно оскалился Крутасов. – Ты прикинь, командир, если все сделать тихо, без кипиша, без рекламы...

– Ты охренел, Шура, – перепугался замполтех. – Это сколько же статей дисциплинарного устава и Уголовного кодекса ты собрался нарушить? Овацию хочешь сорвать? Да хрен-то там, тюрьма, а не овация...

– Ну, разве что в качестве жертвы, принесенной искусству... – задумался Максим Болдин.

– Олег Петрович, ты мне не нравишься, – изменился в лице замполит. – В твоей ветреной голове что-то клинит. Учти, еще немного, и ты окажешься вне области своей компетенции... И зачем мы сюда зашли?

Выпитая водка дала о себе знать, капитан опьянел. Но не переставала одолевать злость на белый свет, на черную несправедливость, безразличие к тому, что будет завтра, проснулись кураж, озорство. А сорокаградусный напиток лишь обострил щемящее чувство справедливости.

– Слушай мою команду, товарищи офицеры, – проговорил Олег, распрямляя плечи. – Никто из вас никуда не идет. Если что-то случится, все были не в курсе моих преступных намерений. А если ничего не случится – то молчок. Товарищ капитан, – обратился он к растерявшемуся замполиту, – вы тоже остаетесь. И не вздумайте меня отговаривать.

– Да хрен тебя отговоришь, – спотыкаясь, произнес Бережной. – Упрешься, как баран – комиссара на тебя толкового нет. Извини, Олег Петрович, я вынужден идти с тобой. Во-первых, ты там дров без меня наломаешь, а во-вторых... все равно не докажу, что был не в курсе твоих преступных намерений.

– Ладно, – усмехнулся Веренеев. – Если спалимся, вали на меня, ты просто выполнял приказ. Будем надеяться, что все пройдет без эксцессов и никто не узнает. Товарищ капитан, поднимайте первый взвод, только без шума. Форма одежды номер четыре плюс шанцевый инструмент. Через три минуты все должны стоять в поле и не роптать. Сверьте дорогу по GPS – будете нашим штурманом. Учения продолжаются, товарищи офицеры. Назовем это отработкой ведения автономных боевых действий в тылу противника в приграничной зоне...

Капитана охватил кураж. Адреналин ударил в кровь, и даже мысли не пришло, что он поступает неправильно. Победителей не судят! А реваншистов, потерявших память, надо учить. Солдаты возмущались, но сильно не шумели – не впервые вместо сна куда-то бежать. Ночь выдалась спокойной, дождя не было, луну закрыла вереница облаков. Пригнувшись, двадцать неясных фигур в камуфляже перебежали открытый участок поля и растворились в кустарнике. Полковые посты, выставленные по периметру поля, даже не почесались. Взвод пробился к лесу, где выстроился в две неровные шеренги для выслушивания приказа.

– Слушай вводную, товарищи солдаты: противник силами двух карательных батальонов Ваффен СС занял населенный пункт Домбеле, откуда планирует поработить весь мир. Задача подразделения – обойти деревню Видне (при этом постараться не утонуть в болоте), оседлать дорогу, связующую Видне и Домбеле, и ускоренным маршем выдвинуться в западном направлении. На дорогу не выходить, двигаться вдоль обочин. В контакты с местным населением не вступать! Не для того мы перешли границу, чтобы людей смотреть и себя показывать. Уничтожить объект на восточной окраине Домбеле и быстрым маршем – в расположение части. Чем быстрее выполним, тем быстрее уснем. И чтобы молчок – отныне все присутствующие десантники становятся носителями страшной военной тайны...

Похоже, у Олега основательно заплетался язык.

– А попроще нельзя, товарищ капитан? – хмуро осведомился рядовой Кулич, проходящий службу по контракту и не обладающий особыми интеллектуальными способностями. – А то мы тут, понимаете, планетариев не оканчивали...

– Да хрена ли тебе непонятно? – буркнул сообразительный Бобров. – Латышские фрицы памятник карателям отгрохали, а мы его расхреначим к такой-то, блин, матери...

– Вот это дело... Вот это нормальная работа... На это и ночку не жалко... – пронесся по шеренгам одобрительный гул.

А рядовой Безденежный опасливо поинтересовался:

– А нас точно вместе с вами не посадят, товарищи капитаны?

– Разговорчики в строю, – проворчал относительно трезвый Бережной. – Посадят тех, кто слушается приказа, рядовой. Желаете поговорить на эту тему? Поговорим.

– А ну заткнулись все... – зашипел суровый, как скала, сержант Марецкий. – Всем приготовиться, подтянуть амуницию. Минута, чтобы оправиться, время пошло...

Через несколько часов перешли границу, даже не поняли, где это сделали. Короткий привал делали через каждые два километра – садились на корточки, проницали пространство, восстанавливали дыхание. Ни минных полей, ни таможен, ни контрольно-следовых полос и пограничных столбов не было. И сигнальные ракеты фрицы в небо не пускали... В опрятной деревушке между лесистыми холмами в отдельных домах еще мерцал свет. Населенный пункт обогнули с юга, вдоль опушки, и вскоре выбрались на грунтовую дорогу, петляющую по лесу. С лесными массивами в соседнем государстве действительно все было в порядке. Березняки, осинники, дубовые рощи, насыщенные рослым подлеском. Листва уже осыпалась, шуршала под ногами, но лес еще не разределся – в эту ночь, как и хмурые тучи, он был на стороне десантников. Бойцы бежали вдоль обочин монотонной рысью, придерживая амуницию, чтобы не гремела. Впереди проглядывалось охранение с сигнальными фонарями.

– Не пойму, мужики, мы уже натурализовались или нет? – пошучивал рядовой Бобров.

– Так вот она какая, чужбина... – поражался длинноногий рядовой Загадкин. – Хреново здесь дышится, парни, на Родину уже потягивает...

И снова отряд поднялся и устремился вперед под покровом темноты. Хмель выветривался, задор проходил, но отступать было поздно. Олег нетерпеливо поглядывал на часы – время приближалось к полуночи. На восьмом километре по правую руку мелькнула еще одна деревенька, в дорогу влилась аналогичная – с северного направления. И потянулся вполне приличный асфальт с затертой разделительной полосой. Показались фары – десантники попадали в высокую траву, затаили дыхание. В восточном направлении проследовал поджарый пикап, груженный строительными материалами. Затем протацилась каракатица с прицепом, в которой почему-то пела Алла Борисовна Пугачева, а ей аккомпанировал ансамбль балалаечников.

– Товарищ капитан, а мы точно за границей? – засомневался сержант Марецкий, подползая к офицерам. – В натуре, лес как у нас, автохлам такой же, дороги убитые, Пугачиха в магнитоле...

– Не думай о грустном, сержант, – хохотнул Бережной. – Кривая вывезет, дружок, не волнуйся...

Кривая вывезла к автозаправке, погруженной в оранжевое мерцание. Из полумрака выступали очертания приземистых строений. А в сотне метров от АЗС расположился круглосуточный магазин с поблескивающей витриной, представляющей что-то нечитаемое латинскими буквами. Возле магазина было пусто. На парковке стояла лишь одна машина. Впрочем, и она не задержалась – из магазина выбрался пошатывающийся местный житель с позвякивающим пакетом, валкой поступью добрался до средства передвижения, неуверенно завелся, неуверенно поехал. «Пятнадцать суток административного ареста», – подумал Олег. Вид поблескивающей витрины не одного его поверг в задумчивость.

– Эх, нелегка ты, доля российского десантника... – закричал и заворочался замполит Бережной. Он сел на колени, стащил с себя «верхушку» полевого камуфляжного обмундирования, принялся выворачивать ее наизнанку, потом надел и превратился непонятно в кого – то ли в бомжа, то ли в потерявшегося грибника.

– Минуточку, товарищ капитан, – напрягся Олег. – Если это то, о чем я подумал...

– Могу не ходить, – пожал плечами Бережной и сменил интонацию на откровенно издевательскую: – Не ходить?

Беготня по чужой территории на крыльях ночи обильно производила адреналин.

– Догонишь, товарищ заместитель по воспитательной части, – проворчал Олег. – Ты знаешь, что такое основы безопасности и как не спалиться в тылу врага. Стоп, – опомнился он, – в этой стране, насколько помню, в ходу латы, на рубли тебе не нальют.

– На доллары нальют, – ухмыльнулся замполит. – Прости, командир, но всегда держу с собой небольшую заначку в виде денежного знака предполагаемого противника.

Замполит испарился, скатившись с бугорка, а солдаты озадаченно и задумчиво смотрели ему вслед. А потом стали перешептываться.

– Отставить, товарищи бойцы, – напрягся Олег. – Перед вами поставлена трудная задача, только о ней и надо думать. Живо встали, и малым ходом – вперед.

Капитан Бережной с оттопыренными карманами нагнал подразделение минут через десять. Он почти не запыхался.

– Литр, – отчитался он перед старшим по должности, вставая в строй. – Родная, именованная нашим президентом...

– Ты охренел? – изумился Олег. – Мы, вообще-то, в армии.

– Неужели? – съязвил Бережной. – Как славно, командир, что ты наконец-то об этом вспомнил. Ладно, не переживай, это маленький литр...

Вот так и оступаются, встают на скользкую дорожку непогрешимые боевые офицеры. Снова дурь забилась в голове, километры темного леса оставались за спиной. Подразделение углублялось в территорию, «занятую противником». Несколько раз по дороге проносились машины, и всякий раз спецназовцы успевали слиться с местностью. Алкоголь бурлил в голове, бойцы то отставали, то забегали вперед. В какой-то момент Олегу показалось, что их стало меньше, но вроде все были на месте. Грузно топали неубиваемые армейские ботинки, сиплое дыхание вырывалось из двух десятков натруженных глоток. Раздвинулись тучки, выглянула хитрая луна, махнув неярким светом на дорогу и опушку леса – и пропала, когда на нее накатилось махровое, разорванное облако...

Не сказать, что «легкое» опьянение способствовало выполнению поставленной задачи. Но особенно и не мешало. Навигатор в сотовом телефоне, который замполит дважды чуть не потерял, уверял, что цель уже близка. Взвод вторгся в обширную парковую зону на восточной окраине латвийского городка. Из мрака выступали подметенные аллеи, груды стриженного кустарника, раскидистые дубы с неохватными стволами. Бойцы рассыпались, двигались короткими перебежками. К злополучному монументу вела засыпанная гравием дорожка, обременен-

ная молодыми липами. Памятник «героям» окружали столетние дубы – они напоминали в темноте многоруких великанов.

– Марецкий, восемь человек в охранение, – распорядился Олег. – И не дай им бог облажаться...

– Слушаюсь, товарищ капитан... – Плечистый сержант прокатился мимо, шурша увядшей листвой. Повеяло ветерком.

– Стоять... – насторожился Олег. – Марецкий, чем это от тебя пахло? Ты что, спятил?

– Так это, товарищ капитан... – смутился сержант. – Не велите казнить... мы тут с парнями чисто для храбрости... по маленькой капельке...

– Страшно ведь, товарищ капитан, – поддержал сослуживца рядовой Криводанов, лежащий поблизости. – Вам вот не страшно, вы уже приняли...

– Молчать... – разозлился Олег. Невероятно, но в смекалке и шустрости парням не отказать. Вроде все бежали в колонне, но сумели выделить «командировочных», а те потом догнали... – Вы что, дембеля хреновы, совсем ополоумели? Мать вашу, ладно, будет вам увольнение в запас, будет вам «губа» на пятнадцать суток...

– На десять, товарищ капитан, – скромно поправил рядовой Гусыгин, сроднившийся с дубом. – Виноваты, товарищ капитан, но то, что дембель в опасности, мы и без этих «наркомовских» понимаем...

– Накажу, – решительно пообещал Олег. – На толчках сгною весь взвод.

– Не накажешь, Олег Петрович, – хмыкнул окопавшийся за липой замполит. – Не до этого нам будет. Да ладно, бог с ними, лишь бы в стельку не напились и к утру протрезвели... Надеюсь, это был не разбой, сержант?

– Обижаете, товарищ капитан, – оскорбился Марецкий. – Мы же законопослушные воспитанные люди. Если что, меня наказывайте: Проничев и Артюхов действовали по моему приказу. Не волнуйтесь, они заплатили, формой не светили, попросили русского мужика – он на «Жигулях» к магазину удачно подъехал, вынес...

– За работу, товарищи вандалы, – объявил Олег, выслушав сержанта. – Покажем этим фрицам кузькину мать.

Десантники не спешили, растягивали удовольствие. Пятна света от карманных фонарей скользили по объекту, цеплялись за выпуклости и шероховатости. Ступенчатый гранитный постамент прямоугольной формы, стела-параллелепипед из серого мрамора, устремленная в небо. Эмблема латышских СС со скруглением книзу. В эмблеме – «LATVIJA» десятисантиметровыми буквами и белая диагональная полоса на черном фоне. Неразборчивые надписи под эмблемой – без переводчика не достучаться, и узнаваемо лишь слово «Домбеле». У подножия – еще не увядшие цветы, аккуратная альпийская горка и выразительная немецкая каска из чугуна – вдвое больше оригинальной и прочно прикрепленная к пьедесталу.

Бойцы уже карабкались на постамент, выворачивая камни из альпийской горки. Долговязый рядовой Загадкин пытался прочесть надпись на стеле – шевелил губами, носом упирался в мрамор.

– Что, Загадка, некоторые буквы непонятны? – ухмылялся Гусыгин.

– Все, блин, непонятны, – бурчал Загадкин. – Ладно, хрен на них, на эти буквы, поехали, мужики.

Толпа подвыпивших десантников навалилась на стойкого мраморного «солдатика». Заскрежетал металл. Подернулась разводами и лопнула от точного попадания камнем лицевая часть монумента. Рядовой Рыкало попробовал свернуть саперной лопаткой чугунную каску – ничего не вышло. Тогда он досадливо крикнул, перебрался на другую сторону «удаляемого» объекта, снова поднажал, зарывав от натуги. Каска держалась, как влитая.

– Нужно высчитать пределы прочности, вязкости и текучести, – насмешливо подсказал Бобров, который до армии пытался освоить программу технического вуза. – Иначе не получится.

– Сейчас высчитаем... – проворчал Кулич, выворачивая из альпийской горки десятикилограммовый «камешек». Занес его над головой. – А ну, Рыкало, геть на хрен, а то зашибу... – И только упомянутый испуганно отпрыгнул, обрушил всю каменную мощь на отливку из чугуна – металла прочного, но, как известно, хрупкого. Каска раскололась на несколько частей, разлетелись осколки, и только жалкий огрызок остался торчать на штыре арматуры.

– Порядок, – буркнул Кулич.

Взревели в восторге солдатские глотки – и понеслась потеха. Взвод топтал цветы, разбивал лопатками бетонную заливку, кромсал ступени пьедестала. Потом дружно схлынули, и на стелу обрушился град булыжников. Трещала и осыпалась облицовка. Не выдержала монолитная колонна, увенчанная эсэсовской эмблемой, – пошатнулась. Навалились на нее всем дружным коллективом, повалили.

– И на косточках твоих, супостат, потанцуем! – хохотал рядовой Безденежный, исполняя на обломках сумасшедший «ритуальный» танец.

– Спокойно, братцы, спокойно, с катушек не слетаем... – увещевал Гусыгин, стаскивая разгулявшегося однополчанина с поверженного памятника.

И все бы ничего, но тут со стороны Домбеле донесся шум. Кричали за кустами, опоясывающими центральную часть парковой зоны. Слышались звуки ударов, русские матерки и ругань на чужом языке. Передовое охранение десантников вступило в бой с непрошеными гостями. Люди, еще мгновение назад кромсающие монумент, схлынули, рассредоточились, застыли, наострив уши.

– Выключить фонари! – распорядился Олег.

«Спалились-таки», – подумал он невесело. Отступать нужно, пока окончательно в грехе не увязли. Но стихли подозрительные шумы, удалялись, затухали крики, а в следующее мгновение по широкой подъездной дорожке уже топали тяжелые армейские бутсы. Возвращалось охранение. Десантники бежали кучкой, весело перебрасываясь матерками.

– Когда я пьян, я Джеки Чан! – хихикал какой-то весельчак.

– Товарищ капитан, тут казус небольшой образовался, – объяснил, отдуваясь, младший сержант Бабаев. – Возможно, камеры на деревьях установлены, или еще что... Слава богу, что это не полиция. Молодчики в гражданском, четыре рожи – примчались на легковушке из Домбеле, хотели пробиться, но мы им урну поперек аллеи перевернули... Наивные, с битами на нас поперли. В общем, провели с товарищами, так сказать, неформальную беседу, пожелали заупокойной ночи... Пусть дальше защищают свою свободу, независимость и территориальную целостность, – рассмеялся младший сержант.

– Где они? – спросил Олег.

– Отступили в пешем неорганизованном порядке, товарищ капитан, – поведал кто-то из десантников. – Могли бы на машине, но мы им шины продырявили. Ну, подлечиться, конечно, этим нацикам придется...

– Вашу мать, Бабаев... – схватился за голову Олег. – Неужели трудно обойтись без увечий в отношении гражданского населения?

– Да все в порядке, товарищ капитан, они же первыми с битами бросились – будут знать теперь...

– Все отлично, товарищ капитан, мы были деликатны и предупредительны, – сообщил юморист из темноты. – Отнеслись, можно сказать, с пониманием к их гражданской позиции. Поговорили про духовную общность наших народов, поблагодарили за то, что пользуются нашими услугами...

– Да прикалывается Матвей, товарищ капитан, – прервал шутника Бабаев. – Они даже не поняли, что мы из России. Форму в темноте не видать. Мало ли кто тут в камуфляже гуляет. Может, мы местные антифашисты? Но знаете, товарищ капитан, такое чувство, что эти упырята сейчас просигналят. Уже, поди, просигналили...

– Взвод, отходим! – гаркнул Олег. – Подурили, пора и честь знать.

– Теперь этот памятник будут восстанавливать на средства местного муниципального бюджета, – ухмыльнулся замполит. – Или на деньги добропорядочных латвийских налогоплательщиков. Через неделю будет стоять как новенький.

– Еще раз придем, – злобно хохотнул Олег. – Ну, пошли, мужики, нас ждет обратная дорога.

– Эх, заминировать бы эти скорбные развалины... – размышлял рядовой Кулич.

И только два десятка взмысленных, возбужденных парней отвалили от искореженной груды, как лес наполнился светом мощных фар. Заревели сирены, замельтешили проблесковые маячки. От городка приближались как минимум две машины. После небольшой заминки, видимо, оттащивали ту самую урну, снова устремились вперед. Десантники ныряли в заросли кустарника, отдавливали пятки друг другу, сдавленно матерились.

– Загадкин, блин, куда ты прешь? – хрипел придавленный Безденежный.

– Это не я прут, это меня прут... – оправдывался, икая от смеха, солдат.

– Отползаем, бойцы, отползаем, – шипел Олег. – Чтобы никто тут не мерцал. Не нужны нам громкие международные скандалы...

К разрушенному монументу подкатили две машины с грозной надписью «Policija». В свете проблесковых маячков выбегали люди в темной униформе и белых португелях, в ужасе таранились на представшее зрелище, хватались за головы. Одновременно хватались за рации, вопили в них дурными голосами. Светили фонарями, но как-то опасались приближаться к кустам и деревьям. Самый решительный выхватил пистолет... и на этом боевой задор иссяк.

– Ходу, служивые, ходу, – пыхтел замполит, пятясь по-пластунски в глубь лесопарковой зоны. – Скоро вся полиция и вся возмущенная общественность этого благочинного городка будет здесь – ладно, если не с собаками...

Десантники отступали в лес, похрюкивая от смеха. «Праздник закончился скомканно, товарищи бойцы», – объявил замполит, после чего все легли. Обратная дорога, как и положено, оказалась короче. Кураж не унимался. Неизвестно, откуда они друг дружке наливали и почему офицеры этого не видели, но личный состав был уже хорошенький. Офицеры стремительно трезвели, прогрессировали симптомы похмелья. А рядовой и младший командный состав веселился, как на карнавале. Дисциплина прихрамывала – эти прохиндеи уже догадывались, что наказать их по всей строгости дисциплинарного устава командир не сможет. Любое наказание чревато раскрытием некрасивой тайны. Но пока все шло нормально – армейский спецназ, вооруженный саперными лопатками, двигался маршем вдоль дороги, истекая адреналином и мечтая о продолжении банкета. Из графика не выбились, местным жителям на глаза не попадались. Возможно, все было не так уж плохо...

Проблемы начались, когда до границы осталось несколько километров, а на горизонте замаячил знакомый круглосуточный магазин, домишки поселка в стороне от дороги и последняя заправка на латвийской территории. Луна недружественно растолкала облака и озарила территорию сопредельного государства. На парковке у опушки стояли громоздкие фуры, возле них колыхались человеческие фигуры. Четыре часа назад здесь не было никаких фур! Чертыхнувшись, Олег остановил колонну.

– Прорвемся, товарищ капитан... – неуверенно вымолвил Марецкий.

– Я вам прорвусь, – пригрозил Веренеев, покосившись на пыхтящих от нетерпения бойцов. – По Родине соскучились? Отставить самодеятельность. Никакого «палева». Слушай

команду, бойцы. Идем обратно до ближайшего поворота, форсируем проезжую часть и следуем дальше по левой стороне, максимально приближаясь к лесу. Пройдем эти фуры – вернемся на правую сторону.

Решение оказалось не самым удачным. Первые смутные подозрения зародились в голове, когда они миновали кучку большегрузов, но вновь перейти проезжую часть не смогли. Поляну между чащей и дорогой облюбовали какие-то «бойскауты» – горел костер, играла музыка, смеялись женщины.

– Эх, к девчонкам бы сейчас под бочок притулиться... – мечтательно стонал рядовой Криводанов.

– Хотите секса, боец? – хихикал Марецкий. – По поводу секса обращайтесь к старшему группы, у него всегда есть...

Лес отступал, местность на той стороне была открытая, спрятаться негде. А дальше уперлись в поселок – вереницу опрятных строений с покатыми крышами, разделенных широкой проезжей частью. Отсюда хорошо просматривался круглосуточный магазин у дороги. Там колыхались неясные тени, светили фарами машины. Сутулая фигура переминалась на крыльце. Похоже, абориген задумался: он вышел из магазина или еще не заходил?

– Входим в платные слои атмосферы, командир, – как бы между прочим напомнил замполит.

– Дьявол... – выругался Олег. – Придется походить кругами. Обогнем поселок с севера, на открытые места не выходить, никаких магазинов, заигрываний с местными.

Но, видно, леший в эту ночь повел десантников заковыристыми тропами... Бойцы перебирались через груды бурелома, топтали колючий кустарник. Попутно выяснилось, что поселок не такой уж маленький, он углублялся в лес и состоял из двух разделенных пустырями частей. Чтобы обойти его, приходилось еще дальше углубляться в чащу.

– Может, напрямую по пустырю, товарищ капитан? – предложил Марецкий. – В домах темно, местные спят. Авось проскочим незаметно?

– Десантник на авось не полагается, сержант, – отрезал Олег. – И попрошу не забывать, что в случае провала неприятности коснутся в первую очередь вашего командира. Если вы, конечно, исполнены к нему такой ярой нелюбовью...

Десантники загудели – они ничего не имели против ротного. С их добродушной точки зрения, лучше, конечно, чтобы командиров вообще не было, но если уж выбирать из всевозможных зол, пусть будет капитан Веренеев. Он много требует, временами вспыльчивый, зато свой и не такой уж ужасный... Марецкий повел за собой взвод – в колонну по одному, через прелести ночного леса. Офицеры шли последними, контролируя сомнительную, явно мечтающую о вольной жизни компанию. Но прошли лишь несколько метров, охнул замполит, подвернув ногу в замаскированной «волчьей яме». Разразился русский мат – брат ошибок трудных. Чертыхаясь, Олег бросился к нему. Бережной сидел на боку и, упираясь в землю обеими руками, вытаскивал ногу, которую зажало толстыми ветвями.

– Не тот пошел в наше время замполит, – пошутил Олег, присаживаясь на корточки и разводя ветки. Бережной извлек из ямы пострадавшую конечность и начал ругаться с упоением и страстью, обнаружив, что перенос на нее массы тела вызывает дикую боль.

– Только не говори, что придется мастерить волокушу, – возмутился Олег.

– К черту волокушу, – выплюнул Бережной. – Подвернул, ничего страшного... надо же так опростоволоситься...

– Эй, товарищи командиры, чего тормозите? – зашипел замыкающий колонну младший сержант Бабаев.

– Продолжать движение, сержант, – злобно гаркнул Олег. – В поселок не входить, ждать нас с замполитом в лесу на восточной стороне.

Бережной, сидя на боку, разминал ногу и продолжал высказываться – отнюдь не по-уставному. Поднялся, держась за осину, охнул, едва не подломившись. Олег подставил плечо.

– Держись уж, калека. Пошли...

Не тащиться же с этим хромоногим в обход поселка. Так они и к рассвету не добредут до части. Бережной героически наступал на пострадавшую ногу, хрипел, что ему уже лучше, скоро он расходится, побежит, как горный козлик. Возможно, он и вправду только потянул сухожилие, но от этого легче не было. Травма доставляла боль. Олег выбрался на опушку, присел за поваленным деревом. Может, действительно напрямик через пустырь? Заманчиво поблескивала в свете луны трансформаторная будка слева от проезда. Справа притулилась машина, оставленная хозяином на ночь. За окнами царил темнота. Со стороны дороги доносился неясный шум, там кто-то смеялся, прерывисто работал двигатель. «В чем проблема? – разозлился Олег. – Нас же только двое, в разгаре ночь. Только человеку с разгулявшимся воображением двое мужиков в камуфляже покажутся российскими диверсантами, вероломно нарушившими границу!» Замполит не возражал, даже порадовался, что у командира возобладал здравый смысл. Он волочил ногу, отдавал Олегу плечо. Они тащились мимо решетчатых оград, аккуратных клумб, на которых еще произрастали какие-то цветы. Выскочила собака из облицованной сайдингом будки, загавкала, брэнча цепью. В темном окне за «вафельными» шторами замерцал ночник. «Притворяемся пьяными», – пробормотал Олег. «А мы какие?» – удивился Бережной. Он теперь передвигался самостоятельно – путанными зигзагами и с большой амплитудой. Из домов никто не выходил, но собаки теперь гавкали по всему поселку, подхватывая инициативу своей товарки. Донесся шум с северной части. Кто-то кричал, разразился залихватский свист. «Только этого не хватало, – ругнулся сквозь зубы Олег. – Гвардейцы, блин, хреновы...» Они, ускоряясь, пошли по пустырю. Бережной берег дыхание, усердно сопел и уже не хватался растопыренными пальцами за воздух. Сонные домишки остались за спиной, офицеры вбежали в спасительный ельник. Замполит свалился в прелый мох, схватился за ногу и снова начал упражняться в изысканной словесности.

– Это бог меня наказал, товарищ капитан, – пожаловался Бережной. – За то, что принял участие в вашем досуговом мероприятии. И как я объясняться буду завтра перед комбатом? С раскладушки ночью свалился?

– Молись, чтобы только бог наказал, – вспыхнул Олег, схватил заместителя за локоть и поволол дальше в лес.

Видит бог, после вчерашних учений, полностью его опустошивших, после неурядиц последних недель он уже чувствовал себя наполовину гражданским человеком. Расставаться с армией было жалко, но он смирился. Ведь жизнь продолжается. Он был зол и по этой причине не вполне отдавал отчет своим поступкам. Десантники стали подтягиваться лишь минут через десять – на мерцающий свет фонарика. Зашуршала листва, колыхались неясные тени – и первым в легком облаке винных паров возник запыхавшийся сержант Марецкий.

– Это вы, товарищи капитаны?

– Спасибо, что пришли, товарищ сержант, – ехидно поблагодарил Олег. – Рассказывайте, где были, чего видели, мать вашу...

– Товарищ капитан, мы не виноваты, – вступился за товарища Гусыгин. – Там дома впри-
тык к лесу стоят, собака непривязанная через забор перемахнула – вы бы видели, ну, в натуре собака Баскервилей... А за ней еще две – ну, мы и побежали кто куда... Очень стыдно, товарищ капитан, – признал боец. – Вы же знаете, мы хоть целой роте накостылять можем – но это если люди. А тут такие, блин, чудовища...

– Надеюсь, вы не в магазин от собаки рванули? – поинтересовался замполит.

– Ну, что вы, товарищ капитан, как можно... – Кажется, Марецкий смутился. – Да вы не волнуйтесь, все идут за нами, Бабаев людей пересчитывает...

В общем, история темная – где в последние двадцать минут обретались некоторые десантники, почему от них несло, как от протухшего винного погреба, и почему капитан Веренеев допустил этот бардак и спустил его на тормозах. Люди прибывали – вываливались из кустов на крохотную поляну, садились на корточки, сдавленно хихикали.

– Все здесь, товарищ капитан, – отчитался Бабаев, возникая последним. – Небольшая заминка по чисто техническим причинам...

– Ага, эта чисто техническая причина мне ногу чуть не откусила, – пожаловался рядовой Безденежный, потирая голяшку. – Пластырем залепил, но все равно в санчасть пойду...

– Зато как красиво он ей лопаткой по балде зафигенил, – под дружный гогот вспомнил Рыкало. – Аж череп зазвенел. Но в следующий раз запомни, Безденежный, таких тварей следует бить не плашмя – нежно и с любовью, а ребром – на поражение, чтобы навсегда запомнили.

– Осталось восемь километров, товарищи десантники, – напомнил Олег. – Никому не рассыпаться, все бегут за мной. Бабаев – замыкающий. Проничев, Артюхов – помогаете замполиту, у него сегодня тоже... технические причины. И если через сорок минут мы не будем в части, видит бог, я вас точно на толчках сгною!

Заключительная часть мероприятия прошла как по нотам. Взвод пробуравил приграничный отрезок латвийской территории, обогнул еще не проснувшуюся деревушку и рассредоточился в кустах с видом на русское поле и приземистые палатки войсковой части. На сон оставалось три часа – вполне достаточно, чтобы не выглядеть на утреннем построении сонными мухами. Финальный отрезок пути десантники передвигались ползком, чтобы не попасться на глаза полковым часовым. Вползали в палатки, падали без сил...

Наутро выяснилось, что закон подлости работает на совесть. Сбылись все черные предчувствия. Полк еще не успел сменить место дислокации, как разразился скандал. Латвийская полиция не стала дожидаться утра, чтобы приступить к расследованию. К делу подключились местные спецслужбы – Полиция безопасности МВД, Бюро по защите Конституции и Служба военной разведки и безопасности под патронажем Министерства обороны. Версия о том, что памятник латвийским эсэсовцам был разрушен местными антифашистами, не прошла изначально. Латыши, избитые парнями Бабаева, были уверены – их мутузили военные. Уж очень слаженно и безжалостно действовали. Не говоря уж о некоторых особенностях их речи. Непосредственно памятник не охранялся – контракт муниципалитета с охранным предприятием был подписан, но в силу не вступил. Но имелись камеры видеонаблюдения в количестве двух штук – на ближайших деревьях. Они записывали не только видео, но и звук. Имелась камера на входе в магазин, в самом магазине. Одна из продавщиц на всякий случай вызвала полицию – когда уже под утро в торговую точку вломились двое возбужденных пропотевших молодцов в камуфляжном облачении и с шанцевым инструментом на ремнях. «Сухое будем?» – спросил один. «Нет, будем мокрую», – ответил второй. Грабить магазин они не стали, рассчитались за водку российскими рублями – валютой, неприемлемой для маленькой, но гордой страны. Но спорить девушки побоялись, уж больно грозно выглядели покупатели. Парни испарились, но полиция тем не менее прибыла. Скрупулезно сопоставлялись факты: нетерпимость россиян к подобным реваншистским устремлениям, учения российского спецназа в непосредственной близости от границы, склонность упомянутой структуры к безответственным и бесшабашным авантюрам... Среди обломков монумента полицейские обнаружили неказистый мобильный телефон, принадлежавший рядовому Проничеву, позвонили маме в Пермь, переположили несчастную женщину... С российской стороны наблюдалась аналогичная активность. Нашелся осведомитель, отправивший сигнал вышестоящему начальству, и уже к утру о глупой выходке десантников было доложено командующему Воздушно-десантными войсками. Командующий не поверил, приказал перепроверить информацию. Пока это делали, прошло несколько часов. В данный временной отрезок посол России в Латвии был срочно вызван в

МИД, где получил ноту протеста, уверил «уважаемых латвийских коллег», что это просто недо-
разумение, которое быстро разрешится. А если нет, то все содеянное ни в коем случае не сле-
дует рассматривать как провокацию, за коей последует вторжение воздушно-десантных орд на
территорию маленького, но суверенного государства.

Все улики указывали именно на то, что имело место. Но факты нуждались в дополни-
тельной проверке. Слишком уж возмутительным выглядело то, в чем обвиняли российских
военных латвийские компетентные органы и на чем настаивал осведомитель. Командующий,
разумеется, не замер в сладостной истоме (хотя и почувствовал мимолетную гордость за своих
людей). Он был возмущен: не может быть! Ведь он многократный кавалер правительственных
наград, доблестный офицер, имеющий заслуги перед Отечеством, должен краснеть за своих
подчиненных. Это же тяжелое воинское преступление! С солдат взятки гладки, они лишь
выполняли приказ, пусть даже такой неоднозначный, как перейти государственную границу,
хотя и без оружия, но чем думал этот хренов кавалер?! А если вдуматься, какая, черт возьми,
красивая акция! Пусть знают супостаты наших!

Но закон суров, и на пинок из высших сфер следовало реагировать. Нарушена главная
армейская заповедь: НЕ ПОПАДИСЬ. Скрежеща зубами, командующий ВДВ приказал прове-
сти расследование и наказать всех виновных в соответствии с законом. Подразделения, прини-
мавшие участие в учениях, покидали учебный квадрат. Разведывательно-десантную роту капи-
тана Веренева «попросили» остаться. Зловещая атмосфера витала в воздухе. Олег уже понял,
что это значит, и внутренне смирился. Он был спокоен и невозмутим. Замполита Бережного
вызвали в штаб полка. Он растерянно моргал, кусал губы.

– Ты ни в чем не виноват, Серега, – убеждал его Олег. – Ты выполнял приказ коман-
дира роты. Ты был против его выполнения – на этом и стой. Вали на меня, мол, капитан Вере-
нев выпил лишнего, не отдавал отчет своим поступкам, хватался за табельное оружие и нес
патриотическую чушь. Можешь приплести моего деда, освобождавшего Латвию от немецко-
фашистских захватчиков, вспомни про священные чувства любого нормального россиянина,
а это, кстати, не просто набор красивых слов...

Замполита Бережного длань правосудия не коснулась – и это было здорово. «Отвечу за
все», – решил Олег. Он еще не знал, что судьба уготовила очередной сюрприз. Пока не нача-
лись репрессии (о чем заблаговременно предупредил из Чудинки комбат Дорогин – верный
друг и товарищ), он построил первый взвод на краю палаточного городка. Посторонних удалил
за пределы зоны слышимости. И сразу понял: ситуация нештатная, что-то случилось. Похме-
лье и недосыпание к делу не относились. Десантники угрюмо переминались с ноги на ногу,
старательно отводили глаза. Сержант Марецкий был бледен, как осеннее небо над головой.
Екнуло сердце – в рваном строю бравых десантников, умудрившихся проштрафиться перед
Родиной, явно кого-то не хватало.

– Загадкин пропал, товарищ капитан, – шмыгнув носом, поведал сержант и опустил
голову.

– Охренели? – сглотнул Олег.

– А мы-то че? – буркнул Безденежный.

– Молчать! – расвирепел Олег, и все присутствующие втянули головы в плечи. А Без-
денежный и сержант Марецкий сделались совсем бледными.

Последовал доклад, после которого впору было вешаться. Рядовой Загадкин конкретно
пропал. Когда и где это случилось, никто не мог вспомнить. Сказалось ночное возбуждение,
алкоголь вперемежку с адреналином, бег по пересеченной местности, когда не очень-то сле-
дишь за окружающими. Младший сержант Бабаев был уверен, что от деревушки, главной
достопримечательностью которой являлся магазин, подразделение ушло в полном составе.
Ему казалось, что он пересчитывал людей. В смысле, ночью казалось. А вот теперь уже... не
совсем казалось. Бабаев тоже бледнел, через слово сглатывал и заикался, таранился на коман-

дира, словно тот уже запускал механизм гильотины. Все остальные были смущены, расстроены и озадачены. Действительно, Бабаев сообщил, что все на месте, сомнений не возникло. Заключительный отрезок пути проходил в гробовом молчании, каждый отвечал лишь за себя. По одному переползали поле от кустов до лагеря, шмыгали в палатки. Хихикая, раздевались, падали на раскладушки. Сосед Загадкина Криводанов обратил внимание, что спальное место товарища пустует, но мало ли – может, палатку перепутал. Уснул без задних ног, а когда пропели «первые петухи», которых в это мирное утро поставили на десять утра, обнаружил, что место товарища по-прежнему вакантно. Доложил Марецкому. Сержанта чуть кондратий не хватил, осмотрели все, включая сортиры, близлежащие канавы, опушку леса. Тут-то и закралась подлая мыслишка, а был ли он с нами на заключительном отрезке пути?

– Накосячили, товарищ капитан... – убитым голосом гундел Марецкий. – Готовы нести ответственность по полной строгости... А этот олень у нас получит! Но это же полная лажа, согласитесь? Такого просто не может быть!

Остатки здравомыслия подсказывали, что тупое солдафонство и жажда отыгаться на подчиненных уже не помогут. Время поджимало. Он предоставил слово всем, поставив условие не орать на все поле. Рядовой Рыкало был уверен, что переметнуться на сторону противника «долговязый груздь» не должен, ведь он нормальный парень, только немного тормозит, но как раскачается – не остановишь. Никогда не подводил товарищей. Кулич уверял, что Загадкин был изрядно выпившим, но не настолько, чтобы оторваться от коллектива. Бобров вспомнил, как на подступах к деревне рядовой Загадкин сверзился в канаву, но вроде выбрался, еще и отшучивался. Гусыгин возражал, мол, «клюкнул» Загадкин больше прочих, мог и потеряться, даже заблудиться, но чтобы не найти дорогу к родной части... Ну, прикорнул под корягой, очнулся – не событ надолго крепкого парня двести граммов!

Версий было множество, но все опрошенные сходились в одном: до «заколдованной» деревни Загадкин был в строю, а потом его никто не видел. Пропал. Как корова языком слизала. А день уже в разгаре, не может он так долго плутать, давно бы уже появился...

– Я вроде шум в деревне слышал, когда к опушке подбегали... – меланхолично глядя в небо, вымолвил Артюхов. – Вроде тетка голосила. А потом мужик. А потом собаки лаяли...

– Отправляем спасательную экспедицию, товарищ капитан? – предложил гениальнейшее решение Марецкий. – А что, места уже знакомые, быстренько там все прочешем... Лажанулись ведь, исправлять надо.

– Ага, через магазин, – фыркнул Криводанов.

– Не смешно, – прожег его взглядом Марецкий.

– А никто и не смеется, сержант...

– А может, подождем еще немного, товарищ капитан? – поежился Бабаев. – Вдруг придет?

Неприятности росли как снежный ком. Голова пылала жаром. Незаконный переход границы, вандализм – проступок, можно сказать, «творческий». А вот то, что по прибытии в лагерь капитан Веренеев не пересчитал людей – грубейший ляп. Вопиющий непрофессионализм. Он не успел принять соответствующее решение – в расположение части прибыла колонна из двух армейских «УАЗов». Майор, представившийся работником военной прокуратуры, сообщил, что уполномочен заключить капитана Веренева под стражу. Офицеры из комендантской роты препроводят арестованного в гарнизонную гауптвахту при военной части, расположенной в поселке Молочай (12 километров к востоку от границы), где ему будут предъявлены обвинения. При этом визави говорил виноватым голосом и смотрел не в глаза арестованному, а почему-то в ухо. Бойцы роптали, но до мятежа не дошло. Прощание с Российской армией принимало какой-то странный оборот...

Впрочем, жилищные условия на означенной гауптвахте были сносные. Отдельная «палата», откидная койка, на которой не возбранялось лежать в любое время суток, три кирпичные стены, решетка, за которой изредка прохаживались зевающие часовые. Капитан Веренеев казался спокойным и сонным. Охранники посматривали на него с любопытством и плохо завуалированным восхищением. После сытного обеда, когда он собрался немного вздремнуть и даже подбил сомнительной свежести подушку, явились следователи военной прокуратуры и объявили о намерении провести первичный допрос. Арестант не возражал поболтать. На вопрос, считает ли он себя виновным, заключенный ответил положительно, чем смутил прокурорских работников, после чего подробно ответил на все вопросы. Запираться было бессмысленно – компетентные органы располагали информацией. Не знали они лишь то, что конкретно происходило на латвийской территории, из чего Олег сделал вывод, что стукача в диверсионной группе не было. Он подробно осветил нюансы акции – при этом преуменьшив важность и значение попавшегося по дороге магазина, торгующего винно-водочной продукцией. А также сделал упор на то, что виновен в безобразиях исключительно он один. А остальные, включая заместителя по воспитательной работе, только выполняли его преступные приказы. На вопрос, что его подвигло принять роковое решение, капитан Веренеев насупил брови, буркнул: «А че они?» (имея, видимо, в виду бессовестных латышей), после чего сухо рассмеялся. Он не в состоянии сказать за всю Одессу, но лично ему неприятно, когда о память российского человека вытирают ноги.

Следователи удалились, намекнув, что когда-нибудь еще придут и заключенному придется подписать еще пару бумажек. «Можно подумать, мы подписываем какой-то договор», – лениво подумал арестант. Он лежал на нарах, скрестив руки на груди, с закрытыми глазами, без поясного ремня, обрастал щетиной, когда снаружи слышалось стеснительное покашливание и за решеткой выросли как минимум трое. Олег предпочел не открывать глаза – всю необходимую информацию он мог получить и так.

– Лежит, – смущенно пробормотал командир первого взвода Григорий Оленич. – Не выходит никуда. Пациенту прописали тюремный режим – в связи с угрозой террористического акта... Какой-то он ненастоящий, мужики, согласитесь? Не похож на нашего неунывающего командира. Нам подсунули бледную копию?

– Вроде дышит, – неуверенно заметил его коллега из второго взвода Шура Крутасов.

– А это искусственное дыхание, – объяснил Максим Болдин из третьего взвода. – Эй... – Он негромко постучал по решетке. – Товарищ капитан, мы видим, что вы не спите, открыли бы глаза хотя бы для приличия. Между прочим, мы проделали неблизкий путь, чтобы предстать под ваши светлые очи и выразить вам свое почтение и респект. Простите, что без апельсинов...

Олег неохотно повернул голову и открыл глаза. Посетителей действительно было трое – удивительно, как их сюда пустили. Сухопарый, жилистый, словно связанный из нервующихся тугих жгутов, лейтенант Крутасов вцепился в решетку и скорчил такую физиономию, словно он находился не снаружи, и внутри камеры. Переминался с ноги на ногу русоволосый Максим Болдин, в котором накачанные бицепсы самым загадочным образом уживались с интеллигентностью. Энергично подмигивал и мурлыкал что-то под нос самый молодой в компании, гибкий, как тростник, Гриша Оленич с большими ушами и коротким, но лихо закрученным казачьим чубом.

– Здравия желаем, товарищ капитан, – среагировал с широкой, но несуразной улыбкой Оленич. – Уличенный вы наш в проявлении преступной инициативы.

– Подсудимый, вам страшно? – неловко пошутил Максим.

«Подсудимый» не шевелился, его щетинистое лицо было каменным и неулыбчивым. Глаза неприязненно сверлили посетителей. Трое стушевались, стали ежиться, переминаясь с ноги на ногу.

– Командир, пощади... – охрипшим голосом взмолился Крутасов. – Это не мы выдали тебя и твоих ребят... Гадами будем, зуб даем, Родиной клянемся... На хрена нам это надо, ты же для нас авторитетнейший товарищ?

– Серьезно, Олег Петрович, это не мы, – поддакнул Оленич, водружая на застывшую гримасу библейскую невинность. – Ты же знаешь, на что мы способны, а на что не способны. Мы не стукачи – тем более ты пострадал за правое дело...

– И зампотех не при делах, – вступил Болдин. – Сергеич нормальный мужик. Это все Запутный, командир. Он даже не скрывает, что настучал на своего командира. Ухмыляется, зараза, строит из себя правильного и законопослушного. Вот же гнусь, а еще пил вместе с нами. В роте без году неделя, а так пакостит...

– Да он почти не пил, только сделал вид, что лизнул... Вы только ушли, а он уже навестился к вышестоящему начальству, – добавил Крутасов. – И даже не таился, подонок... Бегом, бегом, лишь бы доложить.

– Это такая порода людей, Олег Петрович, – разбавил краски Оленич. – Их мало, но они настырны и отравляют жизнь. Букву закона блюдут до смешного. Им невдомек, что жизнь по уставу – по модулю невозможна, она для роботов, а не живых людей. Моральные уроды, в доносительстве не видят ничего зазорного...

– Эх, устроить бы ему «темную», – мечтательно вздохнул Максим. – Или вышвырнуть из роты куда подальше. Обязуемся, командир, в ближайшее время мы над этим будем работать.

– Отставить, товарищи офицеры, – вздохнул Олег и принял сидячее положение, опустив ноги. Принялся чесать спутанные волосы. – Запутного не трогать, бог ему судья... Что там на воле? – Он поднял голову.

– Да нет там ничего интересного, – быстро нашелся Оленич. – Осень, мрачно, дождик моросит.

– Латыши бузят, – мрачно добавил Крутасов. – Никакого чувства юмора у людей. Еще бы, такой удар по окрепшему национальному самосознанию... – И, отвернувшись, смачно выругался сложным пятистопным ямбом.

– Давят по дипломатическим каналам, – сказал Болдин. – Надеюсь, наши выкрутятся, – вздохнул и закончил: – ...и не возложат на жертвенный алтарь козла отпущения.

Прозвучало не очень оптимистично, Максим смутился и отвел глаза.

– Если и накажут, то только тебя, Олег Петрович, – проворчал Оленич. – Остальные вроде не при делах, хотя послужные списки все содеянное и не украсит. Впрочем, бытует мнение, что теоретически, как особо отличившийся, ты можешь обрести сравнительно мягкое наказание. Говорят, что командующему ВДВ твой поступок очень понравился. Опять же смягчающие обстоятельства – в виде нестабильной личной жизни, высоких правительственных наград...

– Но решение принимает, увы, не командующий ВДВ, – мрачно заключил Крутасов.

– Я не понял, – усмехнулся Олег, – вы пришли меня утешить или накрутить?

– Поддержать, – шмыгнув носом, сказал Оленич. – Дать понять, что мы всегда с тобой, Олег Петрович. Ты, главное, не волнуйся. Прошел слухок, что дознавателям из военной прокуратуры даны рекомендации не особо усердствовать в постижении истины.

– Но по головке все равно не погладят, – фыркнул Шура. – И шоколадку не дадут. Слушай, командир, – он как-то воровато покосился по сторонам, – если хочешь, мы можем, конечно, тебя отсюда вытащить – здесь всего-то полтора десятка «гансов» и не бог весть какой прочности ворота. Возни минут на шесть, фигня...

– Не скажи, – забеспокоился Оленич. – Это очень трудоемко и энергозатратно. К тому же, по уставу нашего монастыря... – Он уставился на серую стену и начал что-то подсчитывать, шевеля губами и загибая пальцы.

– Ладно, кончайте балагурить и гнать пургу, – поморщился Олег. – Группа поддержки, блин. Сам затеял, сам и отвечу. Загадкин не вернулся?

– И не думает, командир, – мрачно отозвался Крутасов. – Загадка нашего времени... с этим Загадкиным. По логике вещей, к текущему моменту он должен либо вернуться, либо попасться, либо умереть. Умирать этому жердине не с чего. Если бы попался, уже бы шум стоял – как на той стороне, так и на этой. Но все тихо. Таинственная история.

История с Загадкиным не укладывалась у капитана в голове. Надо же дать такого маху. Бог с ним, с рейдом по латвийской территории, но потерять солдата, за которого ты несешь ответственность... Он вновь проваливался в прострацию, не реагировал на сослуживцев. А те не стали задерживаться, сообразив, что сейчас они не самые желанные гости. В принципе, было приятно, что его не забывают, но он не подал виду. Веренеев снова погрузился в раздумья, накапливая отрицательную энергию. Но помешали ему очередные посетители. Двое, что вошли в камеру, не были похожи на следователей военной прокуратуры. Они носили цивильные, неброские костюмы, невзрачные ветровки. У одного в руках была папка. Добротные осенние туфли не переливались глянцем, но и грязь, обступившая со всех сторон убогий поселок Молочай, не отваливалась от них лепешками. Первый был повыше и массивнее, но второй относительную хрупкость компенсировал цепким недоброжелательным взглядом. Войдя в камеру вслед за рослым спутником, он обернулся и смерил взглядом замешкавшегося конвоира. И тот мгновенно убрался, забыв запереть камеру. Олег лениво покосился на распахнутую решетчатую дверь. Два удара, прыжок в коридор, оглушить конвоира, потом еще парочку на выходе... и на волю, в пампасы?

По закону гостеприимства он должен был как-то среагировать. Пришлось сесть и «дружелюбно» почесаться. Визитеры уселись на пустующие нары напротив и, не сговариваясь, принялись пристально изучать арестанта. Это продолжалось несколько минут. «Из Москвы в Россию прилетели?» – почему-то подумалось капитану. Он не смутился, а стал тоже пристально разглядывать посетителей. Потом наскучило.

– Вы уже составили мой психологический портрет, господа? Или, простите, товарищи?

Впрочем, люди, почтившие капитана визитом, не были похожи ни на тех, ни на других. Зародились смутные подозрения. Но он не стал их заострять – какая разница? Эти двое продолжали безапелляционно его разглядывать.

– Стандартная процедура, понимаю, – усмехнулся Олег и заразительно зевнул.

– Простите, Олег Петрович, но это действительно стандартная процедура, – тихим голосом вымолвил обладатель рыбьей физиономии и щетинистых глаз. – Вам, наверное, интересно, с кем вы имеете удовольствие...

«Ни капли», – подумал Олег.

– Моя фамилия Зиновьев, – представился посетитель. – Фамилия моего коллеги – Каменецкий.

– Почему не Каменев? – удивился Олег.

– Простите? – нахмурился второй посетитель.

– Школьную историю вспомнил, – улыбнулся Олег. – Были в Советской России такие известные политические... – хотел сказать «проститутки», но смягчил выразительный посыл, – деятели.

– Были, – согласился Зиновьев, доставая служебное удостоверение. Второй поступил аналогично. К собственному зрению у Олега претензий не было. Федеральная служба безопасности. Центральный аппарат. Зиновьев Алексей Михайлович и Каменецкий Егор Борисович. Оба в почетном майорском звании. Далеко же им пришлось месить грязь...

– Итак, начнем, – кашлянул Зиновьев. – Как дела, Олег Петрович?

– Прихрамывают, – признался Олег.

Он не изменился в лице, что тут же отметили пришельцы из овечьей мифами конторы.

– Вы тихий, Олег Петрович, – вкрадчиво сказал Зиновьев.

– Я должен выкрикивать лозунги? – удивился Олег.

– Да нет, для человека, оказавшегося в столь двусмысленном положении, вы действительно очень спокойны, – заметил Каменецкий.

– Я не спокоен, господа, – возразил Олег. – Меня переполняют разные эмоции. Вы сидите здесь всего лишь три минуты, а я уже от вас смертельно устал. Может, лучше к делу? Итак, провинившегося армейского офицера посещают на гауптвахте сотрудники ФСБ, явно отягощенные какими-то полномочиями. Из этого следует, что армейский офицер совершил нечто большее, чем преступление?

– О нет, с вашим преступлением все в порядке, – сухо улынулся Зиновьев. – Армейский офицер решил закрепить полученные навыки, самовольно, не поставив никого в известность, вторгся с подразделением на территорию сопредельного государства, где учинил шаш и разрушение местных святынь. Пошатнул, так сказать, основы и устои. Чему неплохо способствовали плохое настроение, алкоголь и твердая гражданская позиция.

– Пришел, напакостил и ушел, – хмыкнул Каменецкий.

– Я должен был поставить в известность свое командование? – удивился Олег. – Привлечь к делу международных наблюдателей? Кстати, неужели по мне не заметно, что я уже встаю на путь исправления?

– Еще раз повторяю, с вашим преступлением все в порядке, – с нажимом сказал Зиновьев, и было видно, что он не прочь рассмеяться. – Вы нарушили целый ряд российских законов, армейских уставов, грубо попрали международные нормы – в частности, ту, где что-то говорится о неприкосновенности государственных границ. Но так уж складывается, что чисто по-человечески вас никто не осуждает, а многие даже поддерживают. И даже в том, что во время вашей возмутительной акции вы потеряли солдата, ваша вина незначительна. Она проявляется лишь в том, что вы поздно обнаружили пропажу.

– Что вы хотите этим сказать? – насторожился Олег.

– Вы ничего не желаете, Олег Петрович? – почти ласково произнес Каменецкий. – У вас еще не закончились мечты?

– Послушайте, хватит изъясняться загадками, – разозлился Олег. – Я допускаю, что в вашей среде это норма вещей, но в ведомстве, где я служу, предпочитают ясную речь и минимум замысловатых оборотов.

– Служили, – поправил Зиновьев. – Какое бы наказание вы ни понесли, оно в любом случае будет связано с увольнением из армии и лишением всех наград. Нам очень жаль. Прессинг будет мощным, с этим ничего не поделаешь. Вторжение на территорию чужого государства – это серьезно. Не люблю делать предсказания, Олег Петрович, но вас ожидает следующее. Возможно, вас сочтут мучеником, но тем не менее прокурор потребует лет двенадцать. Вы получите шесть – учитывая заслуги и общественное мнение. Реально отсидите половину срока, выйдете по УДО – и будете НИКЕМ. Три года, в принципе, немного, но для разрушения жизни вполне достаточно. Вам это надо?

– Альтернатива? – В горле пересохло. – Вы же не просто тут сидите и на меня смотрите?

– Альтернатива? – усмехнулся Каменецкий. – Грудь в крестах или рояль в кустах, что вам больше нравится?

– Минуточку, коллега, – возразил Зиновьев, сделав протестующее движение. В глубине холодных глаз заблестели кубики льда. – Олег Петрович прав, хватит изъясняться загадками. Альтернатива проста: вы набираете группу, выполняете секретное задание на территории суверенной Латвии – при этом ничем себя не выдаете, в отличие от предыдущего раза. В случае успеха включаются невидимые глазу рычаги, с вас снимаются обвинения, латвийские власти и компетентные органы уже не настаивают на суровом наказании осквернителей монументов «воинской славы». Общественное же мнение латвийской стороны никого не интересует. Вы свободны, вы остаетесь на службе... ну, или увольняетесь из рядов по собственному желанию с сохранением льгот и регалий. И Родина у вас в неоплатном долгу.

– В чем это выражается? – сглотнул Олег.

– Простите? – не понял Зиновьев.

– Про Родину и неоплатный долг.

– Фактически ни в чем, – соорудил циничную ухмылку Зиновьев. – Просто красное словцо. Кроме того, что вы свободный гражданин со всеми правами и никакой дамоклов меч над вами не висит. Это правда, Олег Петрович, – понизил голос чекист. – Вас никто не обманывает. Действительно имеются рычаги, но они запустятся лишь в случае успеха акции. Ваше командование в курсе – если не верите, можете провести консультации с вашими отцами-командирами. Они не возражают, поскольку им намекнули не откуда-нибудь... – Чекист выразительно посмотрел на потолок и не стал развивать интересную тему. – А что касается предстоящей работы, то она исключительно для вас. И совсем не обязательно, что она должна быть связана с отъемом человеческих жизней. На усмотрение, как говорится.

– Но почему именно я? Откуда столь странный выбор, господа? Да, понимаю, куда приятнее загребать жар чужими руками – в случае успеха ты на коне, в случае провала – тебя и близко здесь не было...

– Обойдемся без обвинений, Олег Петрович, – поморщился Зиновьев. – В конце концов, мы тоже выполняем свою работу. И все мы идем к одной цели – пусть и разными путями.

– Во-первых, вы подходите для работы, – сообщил Каменецкий. – Во-вторых, вы же хотите вернуть в часть рядового Загадкина? Вам представится отменная, можно сказать, уникальная возможность это сделать.

– Будете слушать? – спросил Зиновьев. – Или отказываетесь, мы встаем и уходим?

– Да говорите уж, – поморщился Олег.

– Тогда начнем издалека. Вводная, так сказать, лекция. Вы, конечно, слышали о таких увлекательных вещах, как секретные тюрьмы ЦРУ. Пожалуйста, не перебивайте, Олег Петрович, прослушайте до конца и откажитесь от мысли, что вас водят за нос. Подобные филиалы Гуантанамо стали появляться в мире начиная с 2002 года – после всем известных событий в Нью-Йорке, связанных с захватом воздушных судов и «демонтижом» небоскребов. В США считается, что система секретных тюрем является базовым элементом для борьбы с терроризмом. И чтобы не допустить скандала в собственной стране, предпочитают содержать подозреваемых в терроризме на чужой территории, где никто не будет их искать. Руководство секретными тюрьмами осуществляется сотрудниками ЦРУ. Они же задерживают подозреваемых, доставляют в эти тайные казематы, проводят допросы, добываясь признания в участии в террористической деятельности. Реже это делают сторонние организации. Методики допросов, как вы догадываетесь, не самые гуманные: избивания, запугивание, пытка холодом, музыкой, так называемая депривация сна – когда заключенным не дают смыкать глаз, имитация утопления, вынуждение стоять на одном месте и тому подобные приятные вещи. Так называемая «расширенная техника ведения допроса» – которая, кстати, вполне официально разрешала пытать. Спецслужбы составляли документы о пытках, закрепляли их штампом – «по показаниям заключенного». Излишне говорить, что люди содержались в тюрьмах без предъявления официальных обвинений и помыслить не могли о каких-то там правах, включая пресловутый «Хабеас корпус», устанавливающий презумпцию незаконности задержания. Для Америки это нормально – ради торжества демократии во всем мире можно пойти на любые нарушения прав человека. В 2005-м началась шумиха, инициированная газетой «Вашингтон пост». В 2009-м Обама издал указ о закрытии всех секретных тюрем ЦРУ. Спустя четыре месяца директор ЦРУ отчитался, что дело сделано – тюрьмы закрыты. Действительно, закрыли. Парочку. Где их только не было, этих «черных точек» – в Пакистане, Афганистане, в Восточной Европе. Польша, Румыния, Литва... Разумеется, все страны отвергали существование на своих территориях секретных заведений, но... что было, то было. Самолеты ЦРУ летали туда как по расписанию. Закрылась тюрьма в центре Бухареста – в здании для хранения архива секрет-

ной информации Румынии. Самая гуманная, кстати, из тюрем – в камерах имелись часы и указатели направления на Мекку. В ней почти не пытали – только обливали холодной водой и заставляли по сорок часов стоять без движения. Закрылась секретная тюрьма в Литве – в поселке Антавилай, недалеко от дач местных чиновников. Раньше там была школа верховой езды, потом ее продали некой мутной фирме, зарегистрированной в США, переоборудовали, возвели камеры, помещения для допросов, построили гараж, систему автономного электро-снабжения... Кстати, именно постройкой этой тюрьмы Литва и оплатила свое вхождение в НАТО.

– И теперь вы хотите сказать, что нечто подобное, но еще не закрытое и вполне функционирующее... – начал Олег.

– Находится на территории Латвии, в местечке Такспилс, в тридцати километрах к северу от города Домбеле, в котором вы вчера уже были, – не скрывая торжественности, объявил Зиновьев, а его коллега Каменецкий с важным видом кивнул – дескать, сказанному можно верить. Зиновьев распахнул папку, извлек и развернул карту крупного масштаба, пристроив на коленях. Подниматься было неохота, но Олег поднялся. – Вот это Такспилс, – ткнул пальцем Зиновьев, покосившись на своего коллегу. Коллега понял без слов, поднялся, высунулся в коридор, после чего вернулся, притворив решетчатую дверь. – Шесть тысяч населения – в основном латгалцы, которых латвийские власти считают латышами, хотя не все латгалцы с этим согласны. А вот здесь – и практически до границы, – Зиновьев повел палец вправо по карте, – расположены глухие леса, в которых почти никто не живет. Деревушки Догне, Арсне, связанные между собой асфальтовыми дорогами. Объект расположен в паре верст от Арсне, к нему проложена вполне приличная грунтовка. С этой стороны болота, а вот здесь – живописный холм Гопка, который невозможно спутать с чем-то другим благодаря его форме застывшей морской волны. Объект расположен на восточном склоне холма, окружен лесами. Он засекречен, посторонние в район не допускаются. На объекте содержатся около двух десятков лиц, которых янки считают террористами или пособниками террористов. Дорога от Арсне, ведущая к объекту, огибает южное подножие холма, пересекает петляющую речушку Елцаву. Здесь когда-то был свинокомплекс, потом территорию разровняли. Министерство обороны, пользуясь полостями в теле холма, возводило там что-то вроде замаскированного командного пункта, но строительство прекратилось. Объект сдан в аренду фирме с темным прошлым и сомнительным настоящим, территория огорожена, работают датчики слежения и прочие хитрости. Это и есть секретная тюрьма ЦРУ. Мы знаем о ней практически все – благодаря стараниям симпатизирующих нам местных жителей и законспирированных агентов. К сожалению, упомянутые господа – не Рэмбо. Вот это пространство, – Зиновьев прочертил пальцем круг между холмом и российской границей, – глухие леса и болота. Если есть дороги, то нам о них неизвестно. Направляться к объекту желательно так, как сделал бы любой цивилизованный человек – через Домбеле, Такспилс, Догне и Арсне, а вот отходить после выполнения... хм, или провала миссии – можно и лесами. Впрочем, не нам учить профессионала... Российские власти интересуют узник по имени Джо Андерсон. – Зиновьев немного помедлил, словно не был уверен в своих словах. Впрочем, дальше его голос окреп. – Именно так, Олег Петрович. Джо Андерсон. Не все лица, подозреваемые американцами в ведении террористической деятельности, носят арабские или пуштунские имена. Данный объект следует изъять из секретного узилища и в целостности и сохранности доставить в Россию. Всего лишь. Объект не должен пострадать. При этом не задавать вопросов, не лезть в чужой огород и помнить, что вы выполняете важное дело, связанное с государственной безопасностью. Работу сделать быстро – максимум два-три дня.

– И нас не волнует, как вы проберетесь в тюрьму и осуществите задуманное, – подал голос Каменецкий. – Вы толковый диверсант, на месте определитесь. И запомните, лучше провалить задание, чем раскрыть свою причастность к официальным российским структурам. Никаких

документов, никакой болтовни. Общайтесь с населением по-английски – вы его знаете. Прикиньтесь кем угодно – рыбаком, геологом, субъектом типа «бомж»...

– Вот же пис оф шит... – невольно пробормотал Олег, оценивая масштаб предстоящей работы.

– Вот видите, Олег Петрович, – похвалил Зиновьев. – Вы уже втягиваетесь.

– И нас не волнует дальнейшая судьба секретного американского объекта, – усмехнулся Каменецкий. – Можете хоть взорвать его к чертовой матери – скандала не будет, поскольку секретных тюрем ЦРУ в природе не существует. И пусть вас не удивляет приближенность такого рода объекта к российской территории. Возможно, это связано с чувством юмора у американцев или с популярным мнением, что труднее всего найти то, что лежит под рукой.

– А теперь к теме, которая волнует вас больше, чем какая-то проблема национальной безопасности, – тонко подметил Зиновьев. – Прошлой ночью, когда вы с подчиненными ломали под Домбеле кусок гранита, с секретного объекта, носящего, кстати, название «Курдигас», сбежал заключенный. Новость отрадная, означающая, что тамошнюю систему безопасности способен обмануть даже дилетант. Парень до приобщения к радикальному исламу жил и работал в Днепропетровске, по национальности украинец. Обманул охрану, пробился через заграждение и растворился в лесах. Возможно, бедолага даже не знал, в какой стране он находится. Но действовал ловко. Агенты ЦРУ – плюс примкнувшие к ним морпехи в штатском, задействованные в охране объекта, – кинулись в погоню. Несколько часов искали беглеца, расширяя круг поисков. В погоне принимали участие несколько единиц автомобильного транспорта, все «агенты влияния» в данной части республики. По свидетельствам очевидцев, беглец ушел в южном направлении – несколько раз его видели. Туда и устремились основные силы. Вашу группу в окрестностях Домбеле американцы не засекли, но вот отставшего от нее солдата... Ситуация абсурдная, Олег Петрович. Нарочно не придумаешь, как говорится. Ваш парень был изрядно пьян, отстал от своих, да еще и умудрился забрести на территорию к мирным обывателям, устроив там нешуточный переполох. Что и отметили морпехи на джипе, осматривая территорию. Набросились на парня, а тот начал неадекватно реагировать на английскую речь, предпринял контратаку, разбил американцам пару носов, в общем, достойно продолжил начатое веселье. В итоге его скрутили, даже не удосужившись выяснить, почему он, собственно, в камуфляже. Ирония судьбы, Олег Петрович. У наших заокеанских коллег такая же неразбериха. Эти парни знали лишь общие приметы беглеца – рост, сложение, владение русским языком – а также непечатной его разновидностью, которую ваш парень в процессе задержания применял обильно. Общие приметы совпали. Возможно, сомнения имелись, но решили проверить. Скрутили парня, бросили в джип, повезли в свою секретную тюрьму...

– Вот же дерьмо... – потрясенно пробормотал Олег. – Минуточку, господа контрразведчики, откуда вы это знаете?

– Работа такая, Олег Петрович, – усмехнулся Каменецкий. – Вы удивитесь, но не всегда мы загребаем жар чужими руками. Осведомители в интересующем нас пространстве имеются не только у наших зарубежных коллег, но и у нас.

– Воистину, – кивнул Зиновьев. – Дальнейшие события, Олег Петрович, вы можете легко реконструировать. Но имеется достоверная информация. Вашего бойца привезли на объект «Курдигас» – на радостях даже глаза не завязали. Недоразумение впоследствии выяснилось – истинного виновника переполоха тоже поймали. Личность парня выяснили. Руководство объекта в шоке, мол, вы кого сюда привезли, кретины?! И что теперь делать с российским десантником? Отпустить? Но он уже такого тут насмотрелся на секретном объекте... Убить военнослужащего из России? Тоже как-то неловко, а главное, чревато. К сожалению, Олег Петрович, мы не знаем, какая каша в данный момент варится в головах американских разведчиков. Полагаю, они потянут время для принятия взвешенного решения, проконсультируются с руководством. А взвешенное решение уже напрашивается – напичкать беднягу препаратами, превра-

тив его в растение с отшибленной памятью, и выбросить подальше на дорогу. Да, он останется жив, но будет навеки ущербным, чему вряд ли обрадуется его мама. Из этого вытекает дефицит времени, Олег Петрович.

– И не стоит думать, будто мы заманиваем вас на объект «Курдигас» вашим потерянным солдатом, – сказал Каменецкий. – Ваш солдат действительно там и, возможно, пока еще в добром здравии. Ваше преимущество в том, что какую бы секретность американцы ни развели вокруг объекта, меньше всего они ожидают внезапной агрессии в дружественной стране. Эта секретность для них – рутина.

– Кто такой Джо Андерсон? – проворчал Олег. – Кроме того, что он пособник террористов и владеет важной информацией. Приметы, все такое.

– Думаю, не ошибетесь, – чуть помедлив и как-то с усилием, вымолвил Зиновьев. – На объекте не более двух десятков заключенных. И дюжина охраны. И прошу усвоить, Олег Петрович: для вас важнее ваш солдат, для нас – упомянутый объект. Если приведете первого, но не приведете второго, ближайшие годы вам придется провести за решеткой. В данном случае наше джентльменское соглашение не ратифицируется. Итак, Олег Петрович, вам дается полный карт-бланш, списываются все прошлые и будущие грехи. И предоставляется прекрасная возможность спасти из плена своего солдата. Другой возможности не будет. Взвесив все «за» и «против» – вы согласны?

– Да, – буркнул Олег.

– Сколько времени вам нужно, чтобы сформировать группу?

– Полчаса и мобильный телефон.

– Отлично. Составьте список необходимых вещей. Повторяю еще раз – никаких документов. Забудьте, кто вы есть. Попадётесь полиции, спецслужбам или американцам – пеняйте на себя. Местные деньги вам выдадут, но немного.

Субъект типа «бомж» выбрался на опушку густого леса в пяти километрах от границы и примостился к поломанному дереву, чтобы передохнуть. Пройденный путь был труден и насыщен досадными лесными препятствиями. Но это был самый безнаказанный способ перейти границу. Он заслужил пятиминутную передышку. На воле было хорошо, дышалось замечательно – субъект сладко потянулся, наполнив легкие экологически чистым воздухом. Остались еще в старушке Европе нетронутые заповедные уголки... Он выглядел причудливо – затертая штормовка невнятной расцветки, седоватый парик, свисающий лохмотьями с головы, драгая шляпа полями вниз, брезентовые штаны, заправленные за голенища коротких кирзачей. За спиной болталась вместительная котомка, сделавшая бы честь любому дервишу. Сбрасывать щетину он не стал – за прошедшие сутки она загустела, засеребрилась и неплохо укладывалась в выбранный образ.

На пару минут он закрыл глаза. Потом открыл, посмотрел на часы. На дворе был понедельник, 16 сентября, семь часов четыре минуты утра. С памятного разговора на гауптвахте прошло чуть более двенадцати часов. Природа оставалась зеленой, но кое-где ее уже помечали вкрапления желтизны и багрянца. Небо затянули дымчатые облака, временами прилетали порывы ветра, трясли листву на кряжистых осинах. Метрах в трехстах правее проходила проселочная дорога. Она петляла в траве, спускалась в низину, тянулась змейкой за березовый окол, позади которого расположился некий населенный пункт. С направлением он не ошибся. Если пойти по проселку, то рано или поздно упрусь в развилку и асфальтовую дорогу, тянущуюся с южного направления. По ней курсируют автобусы и прочий транспорт. Не за горами Домбеле, будь оно неладно...

Напевая под нос «Дан приказ ему на запад...», он начал переоблачаться. Но тут за голенищем что-то отрывисто прогудело и затряслось, массируя икру. Чертыхнувшись, он выудил

из сапога старомодный, практически неубиваемый телефон-раскладушку «Филипс», обладающий долгоиграющим аккумулятором. На крохотном экране лаконично высветилось: «Ира».

– Это я, навеки твоя, – ворчливо бросил Максим Болдин.

– Ты где? – поинтересовался Олег.

– Под впечатлением, командир. Вышел из леса, нахожусь в аграрном секторе. Один в поле. Воин, блин... Тут задувают промозглые ветра, и вот-вот пойдет дождь. Картошку, кстати, уже убрали – наверное, голодные были. Нет, я, в принципе, представляю, где нахожусь, но все равно мне тут очень стремно и страшно. Ау, где люди? Ты уверен, что идея добираться до объекта поодиночке была единственно верным решением?

– Не рассуждай, – проворчал Олег. – Ты на верном пути. Только давай без приключений, договорились? Я уже сыт по горло этими приключениями...

Не успел он сунуть телефон за голенище, как на связь вышел новый объект – теперь под ником «Маришка».

– Докладываю, командир, я заблудился, – бодро отрапортовал абонент голосом Гриши Оленича. – До опушки не дотянул, сижу под деревом, грустно очень. Это такое жесткое кидалово... Может, нужно SMS куда-нибудь отправить?

– Встань, человек, и иди, – приказал Олег. – У тебя перед носом поселок, там остановка.

– На автобусе ехать? – встрепенулся Оленич.

– Да хоть на «Булаве»...

Процесс переоблачения продолжался. Трансформация выходила впечатляющей. Брезентовые штаны сменили плотные джинсы – он натянул их на голенища, и кирзачи уже не смотрелись столь вызывающе. Верхняя одежда в скрученном виде, включая парик, отправилась в котомку, которая чудесным образом перевоплотилась (после выворачивания) в аккуратный рюкзак. Шляпу сменила кепка с козырьком наподобие конфедератки, штормовку – серая ветровка. Щетина осталась на месте, но в новом образе она смотрелась тоже уместно.

– Секс-символ, блин, – проворчал Олег, изучив частично свое отражение в глянцевой поверхности мобильного. Он закинул за спину рюкзачок, сунул руки в карманы и, продолжая насвистывать «Уходили, расставаясь, покидали отчий край...», независимой походкой зашагал вниз с холма.

Он одолел по полю метров триста, наслаждаясь запахом луговых трав, когда опять сработал мобильник и в эфире возник третий участник группы – под кодовым именем «Марик».

– Все в порядке, шеф? – нейтральным голосом осведомился Шура Крутасов. – Давненько от вас ничего не слышно.

– Да, все на мази, – подтвердил Олег. – Ты где?

– Не знаю, – похмыкал лейтенант. – Нахожусь в опрятном и, по ходу, безмянном поселке. Здесь имеется остановка, а при ней круглосуточный магазин. Пью кофе.

– Ничего ты упал, – присвистнул от удивления Олег. – Неужели так страшно было, что бежал во всю прыть?

– Десантник страха не ведает, – отрезал Крутасов. – Просто не люблю ходить медленно. Меня и жена, когда мы с ней гуляем, вечно за шиворот хватает – мол, куда несешься? Скучно здесь, командир. Продмаг закрыт, но почему-то открыта книжная лавка. Ближайший автобус до Такспилса будет через двадцать минут. Слава богу, что латыши пользуются теми же цифрами, что и мы, – а то бы ни хрена не понял... Ума не приложу, чем заняться.

– Только не хулигань, – предупредил Олег. – В книжную лавку зайди, купи себе сборник любовной лирики.

Крутасов хохотнул, потом последовала долгая пауза. Олег забеспокоился.

– Ты здесь, Шура?

– Да, я еще не уехал, – отозвался офицер. – Местный нищий привязался, просит подать на новую печень. Говорит, что он здесь первое лицо в государстве. С конца. На чисто рус-

ском шпарит, представляешь? До чего довели наших соотечественников, фашисты проклятые... Знаешь, у меня сердце растаяло, я дал ему пятьдесят лат. Он так быстро убежал, похоже, обиделся. Я, наверное, мало ему дал?

– Запомни раз и навсегда, Шура, – назидательно сказал Олег, – латвийская валюта – одна из самых тяжелых валют в мире. Лат тяжелее доллара, тяжелее евро и даже тяжелее английского фунта стерлингов. Один латышский лат примерно тянет на шестьдесят рублей.

– Да иди ты, – удивился Крутасов. – Постой, – забеспокоился он. – Это что же получается – я дал этому прохиндею три тысячи российских рублей? – В голосе товарища забились паника.

– Только не вздумай его преследовать, – предупредил Олег. – Легко пришли, легко ушли. Это все равно не твои кровные.

– Вот черт... Знаешь, командир, мне всегда не везет с деньгами. Ладно, шут с ними, у меня еще есть несколько похожих бумажек...

– Ты, кажется, голос понизил? – насторожился Олег.

– Ну, есть такое дело... – глухо шептал Крутасов. – В данный момент мимо застекленной забегаловки, где я сижу, невыносимо медленно тянется полицейская машина... В ней сидят два фраера в форме, и оба смотрят на меня... Подожди, сейчас я сострою соответствующее законопослушное лицо... Фу, проехали, черти... Ну вот, теперь буфетчица на меня пялится. Щупленькая такая, центнера полтора... А этой-то чего надо? Слушай, она так смотрит, словно у меня на лбу выдавлены крылышки ВДВ.

– Предложи ей стать твоей девушкой, – усмехнулся Олег. – Только близко к себе не подпускай, маньяк несчастный. Ладно, выпутывайся. Между прочим, я вас предупреждал, что здесь опасности на каждом шагу.

Товарищей основательно разбросало вдоль границы. Возможно, идея переходить кордон порознь и имела ряд существенных недостатков, но положительные нюансы в ней тоже присутствовали. Во-первых, менее заметно. Во-вторых, пусть уж спялят кого-то одного, чем всех. Дорога, заросшая чертополохом (явный признак, что ей практически не пользуются), втягивалась в березовые перелески. Поселок остался слева, заходить в него смысла не было. Дорога подступила к обрыву, а тот постепенно сглаживался, и под ним подрастали деревья. Зажурчал ручеек и вскоре превратился в мелкую, пронзительно прозрачную речушку, бегущую по отполированным камешкам. Запасов воды с собой не было. Олег сошел с дороги, пробился через мелкую еловую поросль и, сев на корточки, от души напился, а потом наполнил фляжку. Природа просыпалась, уже чирикали пташки, прыгали с ветки на ветку. Закончив свои дела, он встал и обнаружил, что в двух шагах, на краю травянистого обрыва, примостилась крохотная палатка и из нее высовываются две заспанные физиономии – мужская и женская. Подростки лет по семнадцать – судя по всему, недавно проснулись. Олег приветливо улыбнулся. Те ото-звались тем же, а паренек еще что-то спросил. С латышским языком у капитана Веренева было, мягко говоря, не очень. Он сделал свою улыбку еще ослепительнее и произнес на вполне сносном английском:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.